

Посвящаю полутора миллионам еврейских детей, уничтоженных во время Холокоста, и особенно всем ребятам из «Нешарим», выжившим и не выжившим, с которыми мы два с половиной года делили комнату номер 7 корпуса L417 в концлагере Терезин. Многие из них были гораздо талантливее меня, но, к несчастью, их жизни и таланты сгинули в газовых камерах Аушвица.

И нашему руководителю Франтишеку Майеру — Франте, который в двадцать лет в невыносимо трудных обстоятельствах стал почти отцом для восьмидесяти неуправляемых подростков и помогал нам выжить, укрепляя командный дух. Этот дух мы храним и поныне.

Майкл Грюнбаум

Семье Грюнбаум в прошлом, настоящем и будущем.

Тодд Хазак-Лоуи

Предисловие

В мае 1945 года, спустя несколько дней после освобождения из концлагеря Терезин, моя мать отправила жившим за границей родственникам такое письмо:

Это первое письмо, из которого подлый и злобный глаз цензора уже ничего не вычитает. Не знаю, как начать, чтобы рассказать вам обо всем, что мы пережили за эти годы, ничего не упустить. Каждая открытка, каждая посылка от вас была частицей тепла, частицей счастливой жизни, утраченной нами. Я обращаюсь к вам — таким, какими вас помню, хотя нам кажется, что мы никогда уже не сможем перекинуть мостик к тем, кто провел эти годы не здесь, не с нами, кому повезло не знать, через какой ужас, страх и глубокую скорбь мы прошли.

Едва ли нам стоит надеяться, что кто-то еще из близких остался в живых. Мы и сами спаслись чудом. Три раза нас готовили к транспорту — а Мишу даже четыре! Вы не можете себе представить эти перепады от жизни к смерти. Выглядим мы хорошо, несмотря на совершенно недостаточное питание: в качестве примера сообщу, что мы, все трое, за два с половиной года съели три яйца. И те мы раздобыли тайно, по 170 крон каждое. Мишина сестра работала в прачечной, Миша был развозчиком — все равно что лошадь. Иногда, пряча под курткой тетрадь, он ходил к другу заниматься,

но у них так ничего и не вышло: слишком много было препятствий и слишком мало времени. Мы ведь работали по десять часов в день.

Пока неизвестно, какое будущее нам уготовано. Из старых друзей в живых не осталось никого. Мы не знаем, где будем жить. Мы ничего не знаем! Но где-то в мире есть солнце, горы, океан, книги, маленькие чистые квартиры, и, наверное, можно выстроить свою жизнь заново.

О чем писала моя мама? Что это за место, в котором детям приходилось вместо учебы работать по десять часов в день? Что такое «транспорт» и почему для избавления от него требуется чудо? И какое чудо?

Книга, которую вы держите в руках, ответит на эти вопросы и на многие другие. Это рассказ о моей жизни с девяти до пятнадцати лет, когда Прагу, мой родной город, захватили немецкие нацисты и делали все, чтобы полностью уничтожить общину пражских евреев. Почему я решил рассказать об этом семьдесят лет спустя? Это отдельная история.

После смерти моей матери в 1974 году мне достался собранный ею альбом военных лет — альбом, который хранил память о Терезине. Терезин — транзитный лагерь, устроенный нацистами на севере Чехословакии. Сюда отправляли большую часть евреев из самой Чехословакии (а иногда и из других европейских стран), затем из Терезина их вывозили в Аушвиц¹ и там убивали.

Я много лет берег этот альбом из любви к маме и, лишь когда сам достиг «преклонного возраста», решил, что пора подыскать место, где альбом и впредь будут хранить и забо-

¹ Аушвиц — крупнейший из нацистских концлагерей и лагерей массового уничтожения людей. Аушвиц — немецкое название, которое использовалось нацистской администрацией. Из школьной программы и из литературы на русском языке нам хорошо известно польское название — Освенцим. (Здесь и далее примеч. пер.)

титься о нем. Я колебался: можно отдать его в Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне, или в Музей Терезинского гетто в Чехии, или в Пражский еврейский музей, или же в Бейт-Терезин (Израиль), где собирают и выставляют вещи и документы, связанные с историей лагеря. В итоге я решил подарить мамин альбом, а также собственную памятную книгу, в которую многие мои товарищи по Терезину вписали по одной странице, Мемориальному музею Холокоста: я убедился, что это надежное место и у него достаточно средств, чтобы сохранить оба драгоценных тома в хорошем состоянии для следующих поколений.

Архивариус Джудит Коэн, приехавшая ко мне домой, не могла поверить в такую удачу: в последние годы подобные экспонаты попадают в музей нечасто. Ведь я передавал ей не один-два документа, а целую подборку, упорядоченную, в отличном состоянии. Музей высоко оценил этот дар. В календаре 2010 года была отведена отдельная страница моей маме и нашей семье. Более того, мисс Коэн выбрала несколько страниц из маминого альбома и включила их в постоянную экспозицию музея. И наконец, она сделала для «Странички хранителя» на сайте музея небольшой фильм о нашей жизни в период нацистской оккупации. Многие из тех документов вы увидите и в книге, которую держите в руках.

Все это вдохновило меня тогда на создание книжки-картинки для маленьких детей. В ней нарисованный медведь рассказывал о том, как нашей семье удалось избежать транспорта из Терезина в Аушвиц, где нас ждали газовые камеры. Хотите знать, почему я выбрал рассказчиком медведя? Ответ вы найдете в этой книге, обещаю.

Я взялся за ту книжку, потому что знал, что малыши любят истории с картинками. К тому же еще раньше, много лет назад, я сочинил несколько рассказов от лица разных зверей.

Я долго переписывался с литературными агентами и издателями, но пристроить ту книгу так и не удалось. В част-

ности, мне указывали на то, что малышам, которые играют с плюшевыми мишками, рановато читать о Холокосте, а когда дети готовы к знанию о Холокосте, им уже неинтересны плюшевые мишки. Так что, скорее всего, у моей книги оказалось бы не так много читателей.

Зато один издатель спросил, не соглашусь я ли сотрудничать с профессиональным писателем, который поможет мне рассказать эту историю детям среднего школьного возраста. Я с радостью принял его предложение. Года два я работал сначала с одним, затем с другим соавтором — и вот книга закончена. Должен сказать, что я доволен результатом. В этой книге описаны удивительная отвага, воля, изобретательность, упорство одного человека — моей мамы, а также сильное желание выжить и надежды на лучшие времена.

Лучшие времена пришли, хотя и не сразу и на другом континенте. После освобождения в 1945 году мы вновь поселились в Праге и изо всех сил старались вернуться к нормальной жизни. Однако вскоре стало ясно, что у власти вот-вот окажутся коммунисты. Поняв, что это неизбежно, мама написала друзьям в Соединенные Штаты и попросила сделать нам визы. Через полтора месяца после коммунистического переворота мы покинули Чехословакию, но еще два года пришлось прождать на Кубе, прежде чем подошла наша очередь на въезд в США.

Мамина мечта сбылась: мы сумели построить свою жизнь заново. Построить с нуля: четырежды мы лишались всего имущества. Сначала нацисты конфисковали все, до чего смогли дотянуться. Кое-что мы успели переправить на хранение в Лондон, но там в склад угодила немецкая бомба, и наше имущество пропало. В Терезин разрешено было взять с собой не больше ста фунтов багажа на человека, а все остальное пришлось раздать знакомым, и по возвращении из лагеря вернуть удалось очень немного. А то, что мы переслали в Нью-Йорк перед выездом из Чехословакии, было продано с аукци-

она, потому что кто-то забыл вовремя внести ежемесячную арендную плату за хранение. Каждый раз нам приходилось начинать все с самого начала, зато мы усвоили, что любые вещи можно заменить другими и что по большому счету материальное достояние не столь уж важно. И мне, и моей сестре удалось найти прекрасных спутников жизни, создать новые семьи, и это наконец-то сделало мою маму счастливой, как она того заслуживала.

Но сейчас вы будете читать книгу не о счастье. Речь пойдет о самых жестоких годах моей жизни — таких жестоких, что моя жизнь чуть не оборвалась раньше, чем мне исполнилось пятнадцать. Об этих событиях можно прочесть и в опубликованной около десяти лет назад книге моей покойной жены Тельмы Грюнбаум «Нешарим. Дети, выжившие в Терезине». Но теперь я впервые рассказываю эту историю читателям, которым сейчас столько лет, сколько мне было тогда.

Сегодня, говоря о Холокосте, люди повторяют: «Об этом нельзя забывать». Я тоже думаю, что нельзя. Но, чтобы что-то не забывать, надо прежде это знать. Мне бы хотелось, чтобы моя книга стала тем самым «мостиком», о котором мама говорила в своем письме. Я надеюсь, что, прочитав эту книгу, вы поймете, в каком мире мы жили — и чудом выживали — с 1939 по 1945 год. И я уверен: когда вы увидите, каков был этот мир, вы никогда это не забудете.

Майкл Грюнбаум

Часть I

Прага, Чехословакия

11 марта 1939 года

Мой рекорд — пятнадцать.

— Куда ты так торопишься, Миша? — повторяет отец уже не первый раз с той минуты, как мы вышли из дома. — По-медленнее, — говорит он мне, почти смеясь. Мы идем по набережной Влтавы, лучшей реки в мире.

Папа не понимает: для рекорда мне же нужно разогреться, подготовиться. Потому что сегодня будет новый рекорд, я точно знаю.

Папа вообще не любит торопиться.

— В шабат¹ не полагается бегать.

Это он уже пятый раз мне напоминает. Но я не обижаюсь на папу: он всю неделю так много работает. Мы его почти и не видим. Иногда он даже ночевать домой не возвращается. А завтра он и вовсе уедет в Лондон. Я ужасно огорчаюсь, когда папа уезжает. Хотя, конечно, если ты юрист и работаешь на самое богатое семейство Праги, приходится выполнять что велят.

Но у меня тоже есть дело. Я должен побить собственный рекорд. Сегодня.

Сейчас мы ступим на Чехов мост. Чайки гоняются друг за другом над водой, играют в какие-то свои игры. Замок, как всегда, тянется к небу, высоко-высоко над городом. Может быть, мы сходим туда, наверх, когда папа вернется из командировки. Посмотрим смену караула, поглядим с высоты

¹ Шабат — суббота (*ивр.*).

на Прагу. Я попрошу папу, когда он перестанет делать мне замечания.

Мы свернули с набережной на мост, забитый людьми и машинами. Отлично. Вот идет Павел Горен, наш доктор. У него такое большое брюхо — ни у одного доктора такого нет. Но почему он идет не в Староновую синагогу, а от нее? Впрочем, какая разница. Главное — он отвлечет папу.

— Шабат шалом¹, Павел, — говорит папа.

— Привет, Карл, — отвечает Павел и ерошит мне волосы, бурчит своим брюхом прямо мне в ухо. — Скажи-ка, Миша, неужели ты еще подросток?

Я не отвечаю. На мосту сейчас как раз самый подходящий момент. Старики с палочками. Девушки болтают друг с дружкой. Пес тащит на поводке супружескую пару.

— Вызвали к Магде, она опять слегла, — сообщает Павел моему папе. — Как март, так у нее всегда одно и то же.

Наверное, мне следовало посочувствовать Магде, но у меня есть заботы поважнее. К тому же я уверен: через минуту они заговорят о Германии, Гитлере и нацистах. Все взрослые только об этом и говорят. Скучища.

Мимо проходят трое парней. Старше меня, но какая разница. Старт!

Один из них говорит:

— На следующем чемпионате мы возьмем кубок, вот увидите.

— Не выйдет, — отвечает самый высокий. — Бразильцы нас снова побьют.

— Рехнулся? — возражает третий. — Олдржих играет все лучше.

— Оба вы идиоты, — говорит высокий.

Они останавливаются и начинают спорить, тыча друг в друга пальцами. Вот и славно. Я их обхожу.

¹ «Мирной субботы» — традиционное еврейское приветствие в субботу.

Один, два, три.

Следующий — старик, еле плетется. Легко!

Четыре.

Две женщины, одна из них с коляской. К сожалению, младенцы не считаются.

Тем не менее: пять, шесть.

Когда-нибудь это станет олимпийским видом спорта. Должно стать. Олимпиада состоится в Праге, я буду героем Чехословакии. «Грюнбаум вот-вот установит новый рекорд. Обходит немца. Тридцать семь! Тридцать семь прохожих за один проход по мосту! Новый олимпийский рекорд!»

Так, хорошо, надо сосредоточиться. И не бежать. Если побежишь и тебя засекут — дисквалификация.

Впереди семья, как наша. Родители и брат с сестрой. Сестра года на четыре старше, как моя. Небось тоже все время ворчит, что братик ведет себя как маленький. Это не важно, главное — они остановились и бросают хлебные крошки чайкам.

Семь, восемь, девять, десять.

Не отвлекаться на полпути. Не засматриваться на лодку, что проплывает внизу. И не поддаваться соблазну, не оглядываться на старый замок, даже если с этого места он особенно красив. И даже если это самый большой замок в мире. Честное слово, иногда его четыре шпиля, особенно самый высокий, над центральным нефом, уходят прямо за облака.

— Михаэль Грюнбаум! — кричит отец мне вслед. — Куда ты?

Я притворяюсь, будто не слышу. Совсем уж сильно папа не рассердится, он почти никогда не выходит из себя. В том числе и поэтому он лучший на свете.

Парочка, держатся за руки. Проще простого.

Одиннадцать, двенадцать.

Еще четыре — и рекорд.

Женщина выгуливает собаку.

Тринадцать.

Двое мужчин, спорят между собой по-немецки. Шагают быстро, словно знают об игре, словно специально посланы помешать чемпиону, на которого возлагает надежды наша страна. Только номер не пройдет, господа. Ноги у меня хоть пока и короткие, зато проворные.

Четырнадцать, пятнадцать!

Я повторил свой рекорд.

Только, ох, вот беда — больше нет пешеходов. А до конца моста осталось каких-нибудь пятнадцать метров, и он стремительно приближается.

Ладно, повторить рекорд — тоже неплохо.

Но что это? Кто-то меня обходит.

Высокий мужчина в шортах. Мама бы сказала, сегодня холодновато для шорт. И я тоже так думаю, хотя вслух не говорю. На ногах у мужчины спортивная обувь. Несется мимо меня. В сумке на спине кружится футбольный мяч. Слышу, как он сопит, шея так и блестит от пота в лучах солнца.

Наверное, профессиональный атлет. Или готовится в атлеты. Может быть, знает самого Антонина Пуча. Дай-ка угадаю: нападающий. Ну и что? Я, Миша Грюнбаум (родители называют меня Михаэлем, лишь когда отчитывают), однажды попаду в олимпийскую команду Чехословакии по обгони-всех-на-мосту. К 1948 году, самое позднее к 1952-му, этот вид спорта будет признан олимпийским, а я как раз буду в расцвете сил.

И я срываюсь с места, потому что есть малоизвестное правило, только настоящие спортсмены его знают: если кто-то другой бежит, то и ты можешь побежать, чтобы его обогнать. В таких случаях бежать разрешается. Папа будет недоволен, что я бегаю в костюме для синагоги. Но что поделать? Когда-нибудь я повешу на стене в нашей гостиной свою медаль, стану героем Чехословакии, и он поймет, ради чего все это.

Шесть метров до конца моста. Мужчина в шортах обращается, озадаченный. Ухмыляется. Прибавляет шаг. Но где ему состязаться с великим спринтером Грюнбаумом.

Я пересекаю линию финиша за миг до него!
Толпа беснуется!
Звучит национальный гимн!
Шестнадцать!
Новый рекорд! Победа! Шестнадцать!
— Миша! Миша!

Я поворачиваюсь и спешу обратно к папе. Утираю пот рукавом, авось папа не заметит. Стараюсь отдышаться на ходу.

— Посмотри на замок, — прошу я папу в надежде, что это его отвлечет.

— Миша, — говорит он строго. — Тебе всего восемь лет. Нельзя так убежать. Я же не могу...

— Давай туда сходим, — указываю я ему за плечо.

— Куда? О чем ты?

— В замок.

Папа открывает рот, хочет что-то сказать, но я его опережаю:

— В воскресенье, после того как ты вернешься из Лондона. Ну пожалуйста!

Папа сует сумку с талесом¹ под мышку и оборачивается лицом к замку. Сработало! Я вижу по его глазам. Он забыл обо всем. Может быть, даже про этих дурацких нацистов забыл, о которых он и все взрослые только и говорят.

— Почему бы и не сходить, — говорит он и смотрит туда, на другой берег.

Он обнимает меня за плечи, и мы идем по мосту в сторону синагоги.

— Только бы дождя не было.

Папа всегда такой. О чем-нибудь да беспокоится. Что-то всегда может пойти не так. А знал бы он про мой новый рекорд, понял бы, что дальше все будет только лучше и лучше. Уж я-то не ошибаюсь.

¹ Талес — покрывало, которое иудеи накидывают на себя во время молитвы.

15 марта 1939 года

— Миша, отойди от окна! — окликает меня мама из кухни.

Но я не слушаюсь, не могу. Не каждый же день целая армия марширует мимо дома. Сперва танки, настоящие. Десятки и десятки. Грохочут гусеницы, пушки нацелены прямо вперед. За ними мотоциклы с колясками. Вот бы в такой прокатиться. Только не с нацистом на пару. Если бы с папой...

Только он все еще в Лондоне, так обидно.

Мама дома, но что проку, она мотоцикл не водит. Постояла несколько минут рядом со мной у окна, положив мне руку на плечо и дыша так глубоко, словно собиралась нырнуть в озеро, на самое дно. Покачала головой и ушла.

Кажется, мама ушла в тот самый момент, когда люди на тротуарах начали приветствовать мотоциклистов. Так, как принято у немцев. И даже на балконах кое-кто их приветствовал — вскидывал прямую руку, ладонь вытянута, пальцы вместе. От груди вверх по диагонали. Немножко похоже на то, как поднимаешь руку, чтобы учитель непременно, непременно тебя вызвал. Я и сам так делал, то есть пробовал. У себя в комнате, за плотно закрытой дверью. Родители бы меня убили, попадись я на этом.

Я слышу мамин голос. Она разговаривает на кухне с Кристиной, своей подругой, которая живет на нашей улице. Они выключили радио, и теперь я различаю, как они шепчутся — даже сквозь этот грохот на улице.

А где Мариэтта? Конечно, у себя в комнате, читает. Она держится, как положено старшей сестре: мол, ей на все напле-